

8. Там же. С. 39–40
9. Там же. С. 213.
10. Там же. С. 193.
11. Петрова В. Народный директор // Армавирский собеседник. 2012. 2 марта; Именитые граждане Армавира. С. 2.
12. Именитые граждане Армавира. С. 62–63.
13. Там же. С. 49–50.
14. Там же. С. 134–135.
15. Добрый след на земле. К 90-летию со дня рождения С.А. Дангулова: Очерк. Армавир, 2002. С.3 – 9; Именитые граждане Армавира. С. 202–203.
16. Именитые граждане Армавира. С. 204–205.
17. Вуз на все времена. История Армавирского педагогического университета. Армавир, 2008. С. 175–177.
18. Именитые граждане Армавира. С. 216–217.

В.О. Халпахчян

ИТАЛЬЯНСКИЙ ХУДОЖНИК – УРОЖЕНЕЦ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ШИЛТЯН (1900–1985): ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Григорий Иванович Шилтян – это известный итальянский художник Gregorio Sciltian. Его произведения есть во многих музеях Италии и других стран Европы (например, в Музее современного искусства в Париже и в Королевском музее в Брюсселе), но подавляющее большинство его творческого наследия хранится в частных собраниях, поскольку на протяжении десятилетий Шилтян был очень востребованным портретистом (в том числе официальным портретистом семьи князя Монако Рене III).

Г.И. Шилтян много работал и по заказу Ватикана, и для церквей Италии. Например, для баптистерия римской Базилики Непорочного сердца Девы Марии (Basilica del Cuore Immacolato di Maria) он выполнил (в 1960–1962 гг.) цикл из девяти полотен на сюжет «Крещение Христа». Кроме того, Шилтян был популярным художником театра (опера С. Прокофьева «Война и мир» до сих пор идет в Италии в его декорациях), а также книжным иллюстратором (например, в 1968 г. он оформил итальянское издание «Анны Карениной» Л.Н. Толстого).

Григорий Иванович Шилтян (или Шилтов, как писал свою фамилию его отец) родился 20 августа 1900 г. в Нахичевани-на-Дону, в семье адвоката и нотариуса, практиковавшего в Ростове. «Мой дед по отцу, – писал художник в своей автобиографии, – прибыл в Нахичевань из Турции в 1820 г. Он прославился тем, что первым в городе стал носить перчатки. Отец рано осиротел,

почему был отправлен на учебу в Москву, в Лазаревский институт, при котором действовал и Институт восточных языков, известный во всем мире. Здесь возвращали дипломатов и ученых. Поскольку мой отец был беден, дипломатическая карьера была не для него. По окончании Лазаревского института он поступил на юридический факультет Московского университета. Окончив полный курс, отец возвратился в родной город, где открыл адвокатскую практику, а впоследствии стал исполнять и обязанности нотариуса» [1].

Мать Григория Ивановича была из семьи крупных нахичеванских промышленников Мелконовых-Езековых. «Семья моей матери, – вспоминает Шилтян в своих мемуарах, – была, наоборот, очень богата. Несколько поколений этой семьи успешно занималось выделкой кож, в их собственности был целый остров посреди донского русла, где работала фабрика, построенная еще моим прадедом, на которой в начале XX в. было занято более трех тысяч работников. По семейной традиции, мальчиков отправляли за границу учиться коммерции и бухгалтерии. Трое моих дядей немало лет прожили один в Лондоне, другой в Бремене, а третий в Вене. Моя же мать и ее сестры обучались в Москве, в известном французском колледже Де Мюшель. Когда я родился, моего деда уже не было в живых, и главой семьи была бабушка. Ее большой дом в тридцать комнат ... считался в Нахичевани самым богатым и самым гостеприимным, там устраивались настоящие пиры. Однажды у бабушки гостил и патриарх всех армян Католикос Измирян, когда возвращался из Петербурга, где представлялся Государю. Он держал речь с нашего балкона перед толпой, заполнившей всю площадь, и я как сейчас помню этого величавого старика с белоснежной бородой, который поднимался на верхний этаж, опираясь на мое плечо. Мне было тогда шесть лет» [2].

В 1907 г. Гриша Шилтов поступил в ростовскую гимназию Степанова, однако учеба не сильно интересовала его, поскольку «отвлекала» от любимых игр и самостоятельных занятий рисованием. В 1913 г. юноша совершает вдвоем с отцом увлекательную поездку по Германии, где он посещает музеи и галереи Берлина, Кельна и Висбадена. В 1914 г. семья отправляет Григория на учебу в Москву. Отказавшись от Лазаревского института с его суровой дисциплиной, он посещает – до 1915 г. включительно – классическую гимназию Адольфа. Однако главным его времяпровождением является осмотр города, его музеев и выставок, собраний коллекционеров Щукина и Морозова, где он впервые видит произведения европейских авангардистов. С началом войны в Россию вернулись из Парижа и русские их последователи М. Шагал, Н. Альтман, П. Кончаловский, где благодаря статьям Якова Тугенхольда сразу оказались в центре внимания публики и критики. «Когда, через несколько лет, – вспоминал Г.И. Шилтян, – я снова увидел результаты авангардизма в Париже, я нашел этот стиль уже не передовым, но весьма обуржуазившимся: в каждом доме, в каждой псевдоинтеллектуальной гостиной висели по стенам кубисты, фови-

сты, Хуан Грис, Брак, считавшиеся художниками для самой утонченной среды. Более всего ценилась, однако, материальная ценность, а не смелость идей, и более ценился тот, кому удавалось подписать контракт с Полем Розенбергом и ему подобными модными дельцами от искусства. Поэтому лучшими, даже гениальными, были там удачно раскрученные Матисс и Пикассо, стоившие дороже других. Сегодня, 50 лет спустя, эти авангардисты кажутся мне скорее биржевыми маклерами, устроенными и самодовольными, но при этом очень агрессивными по отношению ко всякому, кто посмеет усомниться в их “академизме”» [3].

Неожиданная смерть отца в 1915 г. принуждает Григория Шилтова вернуться в родной город. Посещая гимназию Зайцева, он продолжает заниматься тем, что влечет его больше всего: осваивает секреты живописной техники и берет частные уроки у художника Акима Карповича Ованесова, уроки, живое воспоминание о которых включил потом в свою автобиографическую книгу.

В том же году, в 15-летнем возрасте, Шилтян впервые выставляет свои работы, причем на главной художественной площадке своего региона – на сезонной выставке Ростовско-Нахичеванского общества изящных искусств. «У истоков его стояли люди широкого кругозора и образования. Такие, к примеру, как известный в городе в начале прошлого столетия адвокат, гласный городской думы, коллекционер В.Ф. Зеелер, основатель ростовской живописной школы А.С. Чиненов и другие.

Первые выставки проводились в Ростове в клубе приказчиков, здании городской библиотеки и музея, а также в особняке купцов Мелконовых-Езекowych. В выставках принимали участие такие донские мастера, как Крылов, Дубовской, Греков, Сарьян, Арцатбанян, Агаджанян. Приглашались к участию в донских вернисажах и столичные – московские и петербургские – живописцы. Выставлялись работы Коровина, Левитана, Верещагина, Куинджи. Для “привития вкуса и понятия изящных искусств” ростовские ценители живописи выписывали и выставляли затем для общественного просмотра работы одесских, киевских, парижских, варшавских, лондонских, берлинских, итальянских живописцев. Отчеты о ростовских выставках регулярно публиковались в петербургских и московских газетах. Всего их было проведено восемь. Последняя проходила в разгар гражданской войны» [4]. Наваянные (по собственному признанию художника) работами Обри Бердслея, шесть рисунков и акварелей юного Шилтяна, выставленные в 1915 г., были куплены все «по 25 рублей за штуку».

Из Москвы Шилтов привозит и увлечение кубизмом, которому отдает дань в нескольких работах. В эти годы будущий художник – увлеченный Оскаром Уайльдом юный денди («мы с другом были признаны самыми элегантными юношами Ростова»), основатель «Кружка увядших фиалок», члены которо-

го играют в рулетку, но и не пропускают ни одного спектакля донских гастролей итальянской оперы.

В 1918 г., в разгар гражданской войны, Шилтян бежит из России – бесконечные смены власти и постоянные облавы грозили юноше призывного возраста неминуемой гибелью. Он намеревался достичь Италии, стать профессиональным художником и увидеть все музеи мира. Но путь оказался долог и тернист, а его жизнь не раз подвергалась опасности. В Италию Шилтян попал только в середине 1920-х гг. – через Тифлис, Батум, Крым, Константинополь (1919), а потом Вену (1920–1921), Берлин (1922) и Париж (1923–1924).

Несмотря на тяжелейшие условия эмигрантского существования, художник (за границей он начинает подписывать свои работы «Шилтян») упорно шел к своей цели и совершенствовал мастерство. Он быстро получил признание (его творчество ценили такие критики, как Роберто Лонги), его персональные выставки в галереях Италии и Франции имели успех, его участие в выставках русского искусства (в 1928 г. в Брюсселе, где три работы – картина Шилтяна «Обнаженная», мраморная скульптура Гюрджяна «Сиамская кошка» и деревянная скульптура Стеллецкого «Всадник» – были приобретены государством и вошли в собрание Бельгийского национального Королевского музея изящных искусств, и в Копенгагене в 1929 г.), а также в крупных художественных выставках европейских столиц всегда было отмечено особо. Но жизнь его продолжала оставаться нелегкой вплоть до начала 1940-х гг., начиная с которых Шилтян становится признанным в Италии художником, особенно прославленным как портретист.

Тернистость его пути объясняется тем, что он, вне зависимости от общего настроения своего века, всегда отстаивал реализм как главный принцип художественного отражения жизни и считал, что нефигуративное искусство есть порождение кризиса культуры. В 1943 г. Г.И. Шилтян начал писать автобиографическую книгу «Мои приключения»: она вышла в Италии в 1963 г. в престижном издательстве «Риццоли». Автор обмолвился в частной беседе, что текст книги писался по-русски, а потом им же самим переводился на итальянский язык. Об оригинале на русском языке сведений нет.

Думается, что для читающих по-русски эта книга была бы чрезвычайно интересна. Во-первых, в ней содержатся интереснейшие факты о нахичеванском и ростовском быте начала XX в. Заслуживает внимания и описание событий гражданской войны на Дону – в районах самых чудовищных конфронтаций. Богатый исторический материал содержится в главах, посвященных жизни эмигрантской среды Константинополя, и в главах, посвященных культурной жизни (и самым ярким ее представителям) европейских столиц (Берлина, Вены, Парижа, Рима) между двумя мировыми войнами.

Возможно, эта книга была задумана как первая часть автобиографии. Автор заканчивает свои воспоминания 25 февраля 1942 г., днем, в который он, что

называется, «проснулся знаменитым» – в утреннем выпуске центральной миланской газеты «Коррьере дела сера» появилась хвалебная статья престижного критика Уго Ойетти, посвященная творчеству Шилтяна, что положило, как считает сам художник, начало его славе. Я надеюсь, что когда-нибудь автобиографическая книга Григория Шилтяна выйдет на русском языке полным изданием, снабженным подробной биографией автора, комментарием и именным указателем.

Вторая половина долгой жизни Григория Шилтяна (1942–1985) осталась без автобиографии, которая была бы посвящена, конечно, этапам творческого поиска. Художник постоянно отстаивал принципы реализма в изобразительном искусстве. Уже после первой его персональной выставки в Риме, в 1925 г., критика отметила абсолютную обособленность живописи Шилтяна в современной художественной среде: выдающийся историк искусства Роберто Лонги отметил, что творческий метод Шилтяна опирается на лучшие достижения великих мастеров прошлого – художников фламандской школы, караваджистов, барбизонцев, причем реализм Шилтяна превосходит их своей фотографической точностью отображения натуры.

В 1947 г. Г.И. Шилтян активно поддержал инициативу основания группировки «Современные художники-реалисты» и написал для нее манифест. В нем в частности говорилось: «В противовес Парижской школе, появившейся во Франции, но отражающей глобальную тенденцию упадка, наше течение, родившееся в Италии, есть выражение надежды на возрождение подлинного искусства, символ начала борьбы за его спасение... Мы отказываемся от всей современной живописи, появившейся в период от постимпрессионизма до наших дней, потому что считаем ее порождением эпохи фальшивого прогресса и признаком страшной угрозы, нависшей над человечеством» [5].

Основные идеи этого манифеста Шилтян включил в расширенном варианте в свой «Трактат о живописи» (опубликован позже, в 1960-м г., в Милане), в котором продолжал защищать идеи реализма. В трактате анализируются также художественные жанры и иллюстрируются приемы живописной техники [6].

Группа выступала с регулярными выставками (только с 1947 по 1949 г. их было устроено пять), имевшими успех у публики, но художественная среда откликнулась на это явление, как и на «Трактат о живописи» Шилтяна, краткими публикациями, где художников-реалистов называли «фотографами», «устаревшими ремесленниками», «музейными копировщиками» и награждали другими уничижительными эпитетами. Несколько лет спустя «не заметила» итальянская художественная критика и книгу-автобиографию Г.И. Шилтяна – именно потому, что в ней присутствуют не очень лестные «портреты» повсеместно признанных мэтров, произведения которых давно превратились в чисто материальную ценность.

В 1983 г. осуществилась давняя мечта Григория Ивановича: его работы экспонировались в России – в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, причем некоторые из представленных на выставке произведений были оставлены музеем в дар. Через два года художник ушел из жизни. Супруга Г.И. Шилтяна Елена Абрамовна сумела выполнить главные заветы художника: благодаря ей на озере Гарда, недалеко от Милана, был открыт «Музей Грегорио Шилтяна», а в 1987 г. она преподнесла в дар московской Государственной Третьяковской галерее сепии К.П. Брюллова из собрания художника. К сожалению, по ее смерти, в 1992 г., остальные заветы художника так и не были выполнены, а средства, им оставленные, в частности на устройство приюта для бездомных художников при церкви Санта Мария-ин-Трастевере в Риме, были расхищены душеприказчиками супругов Шилтян.

Примечания

1. Sciltian G. *Mia Avventura*, Rizzoli, Milano, 1963. С. 14–15.
2. Там же. С. 15.
3. Там же. С. 42–43.
4. URL: http://www.snor.ru/?m=articles&an=sc_403; [http://ru.hayazg.info/Ростовско-Нахичеванское-на-Дону общество изящных искусств](http://ru.hayazg.info/Ростовско-Нахичеванское-на-Дону_общество_изящных_искусств).
5. *Pittura della realtà: estetica e tecnica*, «Ноепли», Milano, 1956. С. 5.
6. Gregrio Sciltian. *Trattato sulla pittura: estetica e tecnica*. Milano, 1960.